

RU

Журналистика в жизни и творчестве В. М. Шукшина

Маркина П. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфических параметров сферы журналистики В. М. Шукшина (определение источников, авторского отношения, динамики в этапах творчества, знакового поведения и др.). В статье рассматривается журналистика в жизни и творчестве писателя и режиссера на примере анализа его литературных произведений, киноролей, публицистических текстов. Публицистическая сфера, как и отношение к ней, меняется от раннего к позднему этапу творчества. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале творческого наследия Шукшина описан сегмент журналистики как проблемное и стилевое поле. В результате исследования установлено, что Шукшин начинал свой путь с газетных публикаций, пряча авторское «я» за клише советской публицистики. Он видел разницу между газетным словом и журнальной статьей, в зрелый период отдавал предпочтение последним как важному средству трансляции своей идейно-эстетической позиции. Журналистика сопоставлялась автором с литературным словом. Зрелый Шукшин приходит к пониманию, что не обо всем можно сказать, самое главное нужно оставить зрителю и читателю, чтобы он сам совершил свой интеллектуально-эмоциональный труд, став причастным герою и автору.

EN

Journalism in the life and work of V. M. Shukshin

P. V. Markina

Abstract. The purpose of the study is to identify the specific parameters of V. M. Shukshin's journalism (sources, authorship, dynamics in the stages of creativity, iconic behavior, etc.). The article examines journalism in the life and work of the writer and director by analyzing his literary works, film roles, journalistic texts. The journalistic sphere, as well as the attitude towards it, changes from the early to the late stages of Shukshin's creativity. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time it describes the segment of journalism as a problematic and stylistic field based on the material of Shukshin's creative legacy. As a result of the study, it was established that Shukshin began his career with newspaper publications, hiding his author's self behind the clichés of Soviet journalism. He saw the difference between a newspaper word and a magazine article, and in his mature period, he preferred the latter as an important means of conveying his ideological and aesthetic position. Journalism was compared by the author with the literary word. The mature Shukshin comes to understand that not everything can be said, the most important thing should be left to the viewer and the reader, so that they themselves can do intellectual and emotional work, becoming involved in the hero and the author.

Введение

Исследования, посвященные творчеству В. М. Шукшина, занимают важное место в современной науке. Особенно актуальным становится рассмотрение поэтики писателя в контексте его творческой эволюции. Сверхранний этап творчества Шукшина представлен газетными публикациями и этюдами публицистического характера. Публицистика Шукшина уже становилась предметом пристального внимания литературоведов (Рыбальченко, 2004; Марьин, 2014; Хисамова, 2024). Такие исследования позволили установить общие закономерности развития несобственно-художественного творчества писателя и подготовили базу для выявления специфических параметров сферы журналистики Шукшина (определение источников, авторского отношения, динамики в этапах творчества, знакового поведения и др.). В последние годы все отчетливее встает необходимость системного осмысления наследия Шукшина (В. М. Шукшин: pro et contra..., 2024), в том числе в контексте анализа взаимовлияния публицистического и художественного творчества писателя и режиссера. Исследуя формирование художественного метода Шукшина, можно увидеть закономерности, лежащие в основе творческого роста писателя, а также специфику трансформации авторской позиции, соотносимой с семантическим полем журналистики.

Несмотря на значительный объём публикаций, посвящённых анализу отдельных произведений Шукшина, его философско-эстетическим взглядам и пр., не было исследований именно поля журналистики в его творчестве, что создаёт потребность в дополнительном изучении и освещении этого важного вопроса, позволяющего переосмыслить поэтику писателя.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобразить и систематизировать образы и тексты Шукшина, связанные с журналистикой;
- определить типы включений в обозначенную сферу на разных этапах творчества;
- выявить и описать трансформацию авторского отношения к журналистике.

Ключевыми методами стали: сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены важнейшие составляющие публицистической сферы в жизни писателя и режиссера; типологический, позволивший рассмотреть общие черты в развитии этой семиотической системы в поэтике писателя; анализ литературного произведения, давший возможность изучить семантическое поле журналистики в творчестве Шукшина.

Материалом исследования послужили сопряженные с семантическим полем журналистики (газета, корреспондент, публицистический стиль и пр.) воспоминания о Шукшине, его художественные и публицистические тексты, газетные публикации, работа актера и режиссера. Художественные и публицистические тексты в целом собраны в девятитомном собрании сочинений (Шукшин, 2014), позволяющем проследить авторскую работу над вариантами. Опирается исследование на уже известное описание публицистики Шукшина (Аннинский, 1979; Овчинникова, 2001; Сенчин, 2014), а также биографический текст, представленный в воспоминаниях.

Теоретическую базу исследования составляют работы Ю. М. Лотмана (1992) и Г. О. Винокура (1997) по проблемам изучения биографии писателя, а также исследования историков литературы, заложивших основы анализа поэтики писателя.

За много лет в шукшиноведении, начало которого было положено еще В. Ф. Горном (1985), была наработана база для исследования, опубликованы тексты (Шукшин, 2014), определены принципы анализа литературных, публицистических (Марьин, 2015) и киноработ, разработана периодизация творчества (Куляпин, 2012). Д. В. Марьин, опираясь на исследование А. И. Куляпина, вводит понятие «сверххранного» периода творчества Шукшина. Анализируя первые публицистические опыты будущего писателя, исследователь приходит к выводу, что обращение Шукшина к публицистике не было случайным. Массив текстов этого плана (в собрании сочинений их больше шестидесяти) достаточно существенен.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов и результатов исследования в практике преподавания истории русской литературы в школьном и вузовском курсах, а также в практикумах по анализу текста и проектных работах.

Обсуждение и результаты

Когда срочная служба Шукшина на флоте давно осталась позади, в октябре 1955 г. (больше, чем через год после поступления на режиссерское отделение в мастерскую М. И. Ромма) в десятом номере журнала «Советский воин» выходит статья «Решил стать кинорежиссером», в которой рассказывается о концерте самодеятельности, в котором особо отличившийся матрос заслужил похвалы мичмана: «Молодец, Шукшин! Учиться надо вам по этой линии. Способности есть – дело пойдет!.. И Шукшин стал серьезнее, больше заниматься сценическим искусством. Скоро ему доверили руководство драмколлективом, и матрос выступил уже не только как исполнитель, но и как режиссер. После каждого спектакля товарищи делали своему любимцу замечания, указывали на его достижения и недостатки» (Конецкий, 2019). Заметка похожа на моделирование легенды самим Шукшиным, рассказывавшим, например, сыну М. Худиева о своих придуманных морских приключениях. В период начала учебы в творческом вузе Москвы ситуация простого парня, получающего интеллигентскую профессию по поручению товарищей-моряков, выглядит как оправдание-благословение выбранного жизненного пути.

С этой мистификацией можно сопоставить «событийную заметку» из газеты «Боевой клич» (от 14 марта 1954 г.) про концерт для избирателей, размещенную в разделе “DUBIA” собрания сочинений. В ней на сцене выступали «всего лишь только школьники, а не профессионалы-артисты» (Марьин, 2015, с. 308-310). Псевдоним «М. Куксина» и ряд других фактов позволяют считать автором публикации Шукшина. Попутно заметим, что тема самодеятельности серьезно осмысливалась писателем и режиссером, можно привести примеры пародийного осмысления советских реалий в позднем творчестве.

Первые практико-аналитические статьи Шукшина в Сrostинской районной газете «Учиться никогда не поздно» («Боевой клич» от 11 октября 1953 г.) и «Больше внимания учащимся вечерних школ» («Боевой клич» от 10 декабря 1953 г.) свидетельствуют об активной гражданской позиции автора, пока скрывающего свой индивидуальный стиль и прячущегося за верной идеологической позицией, изложенной в соответствующей форме лозунговой риторики: «Обе публикации имеют много общего: нарочитая назидательность, митинговый, пропагандистский стиль, констатация в общем-то банальных, но идеологически верных положений, обилие готовых лексических и фразеологических штампов, обычных для советских СМИ. Здесь со всей очевидностью сказался опыт выступления автора на комсомольских собраниях, участие в агитационных мероприятиях, что не могло не отразиться на стилистике статей» (Марьин, 2015, с. 30). Вместе с тем эти публикации Шукшина не только затрагивают важные для автора проблемы, но и содержат ряд языковых черт, характерных для публицистики писателя в целом.

К этим текстам примыкает творческая работа для поступления во ВГИК «Киты, или О том, как мы приобщались к искусству», которую можно считать произведением художественно-публицистического жанра, соединившим в себе черты эссе, публицистической статьи, очерка и фельетона. Здесь четко обозначится поэтика оппозиций как основа для организации текста. Отмечены чертами публицистического стиля и учебные режиссерские этюды, созданные на первом курсе. Становление Шукшина как писателя, актера, режиссера сопровождалось сильным влиянием газетно-журнальной сферы, отличающейся важными чертами: актуальностью, проблемностью, оценочностью, эмоциональностью, документальностью, адресацией массам, – которые по-особенному раскроются в позднем литературном и кинотворчестве.

Дипломная режиссерская работа «Из Лебяжьего сообщают» своим названием отсылает к журналистике. Д. В. Марьин, анализируя изменение названий, указал, что «каждый из трех вариантов заглавия постепенно приближается к форме газетного заголовка» (2013, с. 163). Фильм начинается кадром с номером районной газеты «Заря коммунизма», в которой в нескольких проходных строках сообщается о сложностях битвы за урожай. Первым предложением сценария было: «Районная газетка» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 251). При изменившемся начале от текста к экрану (сцена в купе спального вагона не попала в фильм, посевная заменена на уборочную кампанию и пр.) общий смысл один: за несколькими газетными строками – большая и напряженная жизнь района (в сценарии «Посевная компания» (1960) газете уделяется больше внимания).

Первый полнометражный фильм Шукшина «Живет такой парень» (1964) тоже связан с газетой. В «Правде» в 1960-1970-е гг. была постоянная рубрика «Живет такой человек». Именно в этом фильме появится журналистка, которую сыграет Белла Ахмадулина, кумир литературной Москвы тех лет. Через этот образ раскрывается двоемирие Шукшина, характерное и для других его произведений. Корреспондент оторван от реальной жизни, хотя и очарователен: в киносценарии характеристика девушки выделена кавычками – «странная и прекрасная» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 303).

В представлениях главного героя журналистика сцепляется с ораторским выступлением, когда Пашка Колокольников слышит, что к нему пришли из молодежной газеты, он признается в своей готовности «сказать речь». Газетная журналистика соединяется в своем семантическом поле с устной публичной речью в советской риторике. Такому выступлению или неудаче в нем отводится особое место в текстах Шукшина (Маркина, 2009). На этом фоне дефекты речи (заикание положительных героев) наделяются отличительным смыслом (икание соседа по палате мешает Пашке Колокольникову давать интервью). С течением времени Шукшин уходит от прямых трактовок, приведем в пример сознательное искажение слов Губошлепом в «Калине красной».

В фильме «Живет такой парень» главный герой речь так и не скажет, не осуществится это даже во сне, хотя все необходимые атрибуты (трибуну и графин) Пашка Колокольников получит. В своих диалогах с другими персонажами он повторяет услышанные лозунги: «Нам нельзя ждать милости от природы» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 298) и др., но проблематика и целеполагание от него ускользают. Невозможность задуманного публичного выступления связана с типом персонажа, наделенного автопсихологическими чертами. Неслучайно корреспондентов, собиравшихся брать интервью у писателя и режиссера, предупреждали: «Он же терпеть не может журналистов» (Ягункова, 2009, с. 10).

Те же сюжет и готовность героя сказать речь – во второй книге «Любавиных»: «Из газеты приходили, спрашивали про тебя... А мы и знать не знаем. Только в командировке сказано, что Любавин Павел, из Баклани...» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 462).

В фильме «Журналист» (1967), начавшем дилогию о людях 60-х годов XX века (второй фильм – «У озера», за исполнение роли В. В. Черных Шукшин удостоен Государственной премии СССР в 1971 г.), Шукшин сыграл своеобразного антипода главного героя, корреспондента-алкоголика, что не помешало ему в следующем фильме играть другого персонажа. В то время как героиня Валя Королькова, работница редакции уральского городка, перешла из одного фильма в другой, став журналисткой.

Тематически к названному фильму Шукшина примыкают рассказы «Леля Селезнева с факультета журналистики» (1962), не считающийся творческой удачей писателя, и «Гринька Малюгин» (1963). В этих текстах намечаются образы и сюжетные линии, которые будут разрабатываться в дальнейшем творчестве. В своей статье «Нравственность есть Правда» (1968) Шукшин осудил себя за то, что, поддавшись веяниям времени, подмахнул парню «героический поступок» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 42). Именно здесь намечается расхождение двух векторов – журналистского, публицистического, открыто наставительного и собственно шукшинского, интерактивно диалогового.

Об авторской неудовлетворенности полученным результатом, а именно восприятием фильма зрителем и критиком, свидетельствует статья «Послесловие к фильму» (1964), в которой Шукшину пришлось объяснить то, о чем он хотел сказать. Позднее писатель откажется от прямых публицистических объяснений своего замысла, сосредоточившись на диалоге с читателем или зрителем.

Можно говорить о том, что сфера журналистики у Шукшина неоднородна. «Сам Шукшин... начал творческий путь с публикаций в районной газете, а впоследствии большая часть его рассказов увидела свет именно на страницах газет, причем не только центральных («Труд», «Комсомольская правда», «Советская Россия» и т. д.), но и региональных («Вечерний Ленинград», «Советская Молдавия», «Туркменская искра», «Алтайская правда» и пр.)» (Марьин, 2013, с. 344-345). С середины 1960-1970-х гг. сфера журналистики, а именно статьи и интервью Шукшина, как пишет А. И. Куляпин (2012, с. 10), служат платформой для выражения идейно эстетической позиции автора. В позднем творчестве это диалог не только с читателем и зрителем, но и с самим собой. Нужно понимать, что Шукшин видел разницу между газетным словом и журнальной публицистикой.

Показателен в этом аспекте анализ «Раскаса» (1967), в котором, по мнению С. М. Козловой (2007), нашли отголоски советские идеологические мифы и информационные клише. Живая душа Ивана Петина, от которого ушла жена, проступает в отрегулированной автором безграмотности героя, демонстрирующей современный язык и сознание. При этом реальная жизнь противопоставлена «старой» литературе: «...ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 123). Для шофера нет выхода ни в художественной, ни в публицистической сфере.

Недостатком героя, по мнению окружающих, становятся его угрюмость и молчаливость. Они не тяготят его, но после случившейся большой беды, ему становится досадно, «что мужика надо судить по этим качествам – всегда ли он весел и умеет ли складно говорить» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 123). Ораторская техника выступает в оппозиции к внутреннему содержанию, отсутствие умений в красноречии словно отрицает и самого человека.

Свое горе герой пытается изжить через обманчиво простой способ, предлагаемый ему советской журналистикой, принимаемой им за правду: «...сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. <...> Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?!» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 124). Свой «раскас» Иван Петин несет в редакцию в надежде, что «им совестно станет. <...> Может она вернется» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 127). Герой находится в общем разладе с весельем мира, даже его страдания, выраженные его языком, воспринимаются как пародия, никто его не понимает, и его текст не может быть напечатан в газете. Публицистическая сфера оборачивается обманом, там тоже нельзя найти справедливости.

Об автопсихологических установках рассказа свидетельствует неопубликованная статья Шукшина «Я тоже прошел этот путь», когда, узнав о возмутительном несоответствии публицистического слова жизни, автор хочет писать в газету (Шукшин, 2014, т. 8, с. 64). Так, ранний Шукшин пытался установить правду средствами журналистики, однако со временем, разочаровавшись в результативности, отказался от этой тактики.

В рассказе «Экзамен» (1962) преподаватель, глубоко задетый отказом в публикации его статьи, пытается изжить травму, утверждаясь в своем знанием превосходстве над студентом: «Профессор был противником заочного обучения. Пробовал в свое время выступить со статьей в газете – не напечатали. Сказали: “Что вы!” “Вот вам – что вы! Вот вам – князя разобщены”» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 90). В рассказе «Дояр» уязвленное самолюбие Кольки директор совхоза предлагает вылечить, написав про него в районную газету (Шукшин, 2014, т. 1, с. 157).

Поле печатного слова может утратить свою актуальность, превратившись в старую бумагу, которую можно использовать с другой целью. Газетные самокрутки есть в ранних произведениях: в первой книге «Любавиных» (1965) (Шукшин, 2014, т. 2, с. 65), в рассказе «Заревой дождь» (1966) (Шукшин, 2014, т. 3, с. 24), в рассказе «Гоголь и Райка» из цикла «Из детских лет Ивана Попова» (1968) плотников обвинили в краже книг, подозревая, что они извели их на самокрутки вместо старых газет (Шукшин, 2014, т. 3, с. 157). В рассказе «Халхаль» (1969) в комнате женского общежития «Нина расстелила на полу у двери газету и принялась чистить картошку» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 22).

Журналистика у Шукшина может иметь положительные коннотации. Была благодарность коллективу сростинской сельской больницы («В редакцию газеты “Алтайская правда”» (1971); ср. противоположную стратегию в опубликованном в газете рассказе «Кляуза» (1974) и рабочие письма в редакцию журналов. В «Монолог на лестнице» (1968) есть зарисовка из метро, где два подвыпивших провинциальных парня спрашивают остановку у попутчиков. Местные городские люди решили посмеяться над ними и отправить по кольцевой в долгий путь, только старичок-«профессор», читавший газету, сказал им тихо, но твердо о правильной остановке и вернулся к чтению «газетки». Он восстановил справедливость, чем пристыдил веселящихся попутчиков (Шукшин, 2014, т. 8, с. 30-31). Здесь газета – знак интеллигентности, профессорства.

В повести «Там, вдали» (1966) чтение газет служит маркером совпадения со временем и ценностными установками антропосферы. Ольга объясняет Ивлеву, который не хочет верить в причастность жены к темным делам ее поделщиков, свое отпадение от мира правильных людей тем, что она перестала читать прессу: «Я старше их... Больше видела. В свое время газеты читала...» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 227). Раньше ее жизнь имела иной характер, далекий от преступного мира.

В киноповести «Печки-лавочки», в подготовке к изданию которой участвовал сам Шукшин (сценарий 1969 г.), профессор-филолог интересуется у проводника, носят ли в поезде газеты. Расторгуев, испытывающий муки совести за излишне выпитое накануне, пытается заглядеть свою вину: «Иван, с полотенцем в руках, выскочил из вагона и побежал к газетному ларьку. Накупил газет – всех по одной... побежал обратно» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 287). Фальшиво-небрежным тоном герой, далекий от газетного мира, приглашает авторитетного попутчика к чтению, а потом от стыда опускает голову в газету, которую разложил у себя на коленях, и не поднимает ее даже во время разговора.

Во второй книге «Любавиных» появляется реально существующая сростинская районная газета, в которой Шукшин сам публиковал свои первые статьи: «Прошла районная комсомольская конференция. <...> Членом бюро комитета избрали, между прочим, и Майю Семеновну, литсотрудника районной газеты “Боевой клич”» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 386). В тексте, который при жизни автором не предназначался к печати, положительно-отрицательные оценки довольно прозрачны. Майя Семеновна от газет едет экзаменовывать сельских жителей (Шукшин, 2014, т. 2, с. 387). Юрий Александрович, настоящий городской человек, рассматривающий село как временное пребывание, узнав о желании невесты поменять профессию учителя на редактора, упрекает Майю в том, что она упустит время: «Ты приобретешь никому не нужный опыт литсотрудника районной газеты – для чего?» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 380). Он не верит в ее искренний интерес к нужной деревне работе, у него все рассчитано на годы вперед.

Беспутная дочь Родионова в споре с отцом показывает свое расхождение с миром советского человека, по-настоящему увлеченного трудом: «Что я должна делать, чтобы не казаться равнодушной? Заметки писать в областную газету? Не умею. Да и... все, что там пишут, меня опять-таки не волнует» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 287).

Ночью Ивлев, открывая жене мятущуюся душу, читает свои боевые стихи: «Почему ты не пошлешь их в краевую газету? – Мария села, насмешливо посмотрела на мужа. – По-моему их напечатают. Был бы ты... известным в крае поэтом» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 427). Герой отвергает возможность прославиться как поэт даже со своевременными стихами – нужно делать работу секретаря района (ср. в рассказе «Гоголь и Райка» фронтовые газеты, добавившие авторитета родственнику: «Я каким-то образом научился читать до школы: учил меня дядя Павел (тот сам читать страсть как любил и даже пытался сочинять стихи и, говорит, когда он был на войне, то некоторые его стихи печатали во фронтовой газете)» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 156)).

Неустроенность быта Ивлева, оставшегося без женщины, иллюстрирует попытка уборки непредназначенной для этого вещью: «Тот, нахмурившись, стирал газеткой со стола» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 365). Газета может быть использована для того, чтобы подстелить ее подо что-то / кого-то: «В клубе за столом сидели инженеры. На столе на газетах лежали детали тракторных и автомобильных моторов» (Шукшин, 2014, т. 2, с. 387). В повестисказке «До третьих петухов» черти разбили лагерь у ворот монастыря, в который они не могут войти: «кто листал журналы с картинками ... Группа чертей, расстелив на земле газеты, сидела вокруг коньяка и закуски – выпивали» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 211). В рассказе «Земляки» (1968) у неузнанного брата Анисим спрашивает газету, беспокоится за его «добрые штаны», что можно испортить их, сидя на траве (Шукшин, 2014, т. 3, с. 144). Здесь появляется Лебязье, отсылающее к первому фильму Шукшина и к его биографическому тексту.

В газетах пишут о тех, кто этого достоин, чтобы прославить поступок человека. В рассказе «Мой зять украл машину дров!» (1971) Венья, пытаясь доказать теще, что он тоже человек, приводит последний аргумент: «А про меня в газете писали, што я, хромой, – на машине работаю!» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 238).

Персонаж рассказа «Начальник» (1967) Митька Босых, бывший деревенский вор, замерзающий в кабине, поет «Калину красную», понимая, что спасен трактористом Колькой, кричит, чтобы начальник про него в газету писал, как он героически чуть не погиб. Свою просьбу про заметку в «Трудовую вахту» он озвучивает сразу при первой встрече. Начальник дает согласие и приступает к делу: «Начальник достал блокнот, устроился за столом, начал писать заметку. “Самоотверженный поступок шофера Дмитрия Босых и тракториста Николая Егорова”. Написал так, подумал, зачеркнул. Написал иначе: “Лесорубы спасены!” Опять зачеркнул. Написал: “Тов. редактор! У лесорубов на 7 участке еще до бурана кончились все продукты. Им грозила крупная неприятность. И только благодаря умелым действиям шофера Д. Босых и тракториста Н. Егорова продукты на участок были доставлены”» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 63–64). Все слова, которые подбирает герой, кажутся ему неподходящими. Пафос подвига, выраженный в печатном слове, словно обесценивает само дело. Скупое сообщение в записке информации, он перекладывает ответственность по подбору слов на редактора.

Темой жизни, отмеченной уголовным прошлым, песней, давшей название фильму, автобиографическим кодом (начальник признается, что сидел по статье «Сто шестнадцать пополам» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 64)) рассказ связан с «Калиной красной» (подробнее о поэтике киноповести и фильма («Калина красная»: поэтика, семиотика, контекст, 2025)). В фильме (в киноповести Егор Прокудин говорит помощнице Гале, что ему нужно поговорить с товарищами из «ЦК профсоюза» (Шукшин, 2014, т. 6, с. 263)) герой отсылает Ваську под таким предлогом: «Ко мне вон корреспонденты приехали... я пойду к ним... мы маленько побеседуем» (Шукшин, 2014, т. 6, с. 263). Корреспонденты, соотнесенные с уголовниками, нарушившими закон, появляются в зрелом творчестве Шукшина не случайно, они приехали убить Егора Прокудина, и он вполне осознанно идет на смерть как на последнее интервью.

Сегмент журналистики у Шукшина в большей степени оценен негативно. В киноповести «Печки-лавочки» Иван встает в очередь за билетами на поезд за человеком в шляпе. Человек из Ленинграда читает газету, раздраженно отвлекаясь на реплики Расторгуева. Самый резкий ответ касается бесцеремонного вторжения героя в поле журналистики: «В Буэнос-Айресе слона задавили. Поездом» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 257). Чтение газет становится отличительным знаком особых персонажей.

В рассказе «Дебил» (1971) учитель даже не предполагает в своем противнике умение читать газеты, его покупка шляпы, тоже знака мира «интеллигенции», осмеивается другим ее знаком, используемым не по назначению: «Мгм. Ну, теперь надо беречь. На ночь надо в газетку заворачивать. В сетку – и на стенку. Иначе поля помнутся» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 189).

В «Точке зрения» (1967, одноименный киносценарий в январе 1966 г.) газета в руках у гражданина, входящего в квартиру, где идет сватовство, показывает, что сосед – интеллигент (Шукшин, 2014, т. 3, с. 269, 271). В рассказе «Генерал Малафейкин» (1972) заглавный персонаж читает газету, чтобы подчеркнуть свою принадлежность выбранной роли (Шукшин, 2014, т. 6, с. 21). Попутчик «генерала» тоже читает газету, подслушивающий слышит, что он шуршит, сворачивая ее перед выходом из поезда.

В «Чудике» (1967) герою в самолете попадает особый сосед, который так «читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 117). «Читатель», названный также «читатель с газетой», «лысый читатель», не желая отвечать на глупые вопросы, молчит, выразительно смотрит и шуршит газетой (Шукшин, 2014, т. 3, с. 118). Казалось бы, когда он откладывает газету, он готов сказать что-то важное, но сентенция его осмыслена в пародийном ключе: «Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 118). В киноповести «Странные люди» (1968) эпизод повторяется дословно (Шукшин, 2014, т. 3, с. 302).

В рассказе «Обида» (1971) последней каплей для героя, приведшего «в гагазинчик» дочку, становятся насмешки в очереди, отрицающей его принадлежность миру «интеллигенции»: «Что вы, они вечерами никуда не ходят! <...> Они газеты читают» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 159).

В рассказе «Письмо» (1971) одинокая мать жалеет свою городскую дочь: «Нет, она хорошая, Катерина, только с мужем неважно живут. Черт его знает, что за мужик попался: приедет – молчит целыми днями... Костлявый какой-то. Все думает чего-то, газетами без конца шуршит, зевает. Ни поговорить, ни пошутить...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 202). Она даже дает дочери воображаемый совет прогнать зятя-читателя, сотрудника милиции: «Иди на все четыре стороны, читай газеты. И молчи, сколько влезет» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 204-205). Молчун не понятен: «Господи, думала старуха, хорошо, хорошо на земле, хорошо. А ты все газетами своими шуршишь, все думаешь... Чего ты выдумашь? Ничего ты не выдумашь, лучше бы на гармошке научился играть» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 205).

В «Посткрипту» (1972) герой, удивляющийся туристическим особенностям города Петра, рассказывает в письме домой об особых правилах чистоты (спрятать нечистоты можно в газете): «Дежурная по коридору говорит, что <...> кожуру от колбасы свертывайте в газетку и бросайте в проволочную корзиночку, которая стоит в туалете» (Шукшин, 2014, т. 6, с. 8). Газета может замаскировать то, что делать не положено. В рассказе обозначена зависимость чуждой городской культуры от Запада.

Схожая тема поднимается во «Мнении» (1972). Герой косит под американца: «взял местную газету, которая была вложена в дверную ручку» (Шукшин, 2014, т. 6, с. 46), прочитал статью шефа, «шефуни», обругал ее так, что знакомому стало не по себе, а потом яро доказывал начальнику положительные стороны публикации. Заметка в газете обнаруживает двоемыслие героя, ориентирующегося на западный образец поведения.

В киноповести «Печки-лавочки» Нюра боится не столько излишней откровенности мужа, его рассказов, сколько известности, которая может прийти к ним, если имя попадет в газету: «Вот пропишут куда-нибудь в газету!.. Сказал-рассказал такой-то» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 291).

В незаконченной повести для театра «А поутру они проснулись» пришедший в вытрезвитель социолог, желающий узнать у товарищей причины пьянства, сразу старается успокоить их: «Товарищи, – подчеркнуто миролюбиво заговорил длинный с портфелем, – я не корреспондент, не из газеты... Я – социолог. Что я вас спрошу и что вы ответите – это никуда не пойдет, никаких фельетонов никто писать не будет» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 246).

Желание попасть в газету есть у Сергея Ивановича Кудряшова, персонажа рассказа «Психопат» (1973): «Вообще, любопытный мужик. Кляузник только: завалил все редакции предложениями и советами. Мешанины в человеке много» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 58). В газетах «пророка» не печатают, привыкли, серьезно не воспринимают, просто дают отвести душу.

Зеркально ситуация предстает в рассказе «Непротивленец Макар Жеребцов» (1969), где герой, всю неделю дающий советы по улучшению жизни, в воскресенье не работает и учит людей делать гадости. У него интересная профессия, на которую все обращают внимание: «Работу свою ценил, не стыдился, что он, здоровый, пятидесятилетний, носит письма и газетки» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 28).

С этими героями можно сопоставить персонажа рассказа «Срезал» (1970), которого кандидат наук определяет как «типичного демагога-кляузника», а он «за всю жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал». Любопытно, что главной претензией Глеба Капустина кандидатам становится их «нечитание» газет: «Приглашаете жену посмеяться? <...> Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 76). Герой упрекает оппонентов в нескромности, потому что они, по его мнению, неправильно судят о деревне, подозревая в сельских жителях необразованность, в то время как те «газеты тоже читают» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 77). Речь персонажа как раз и изобилует сведениями из газет.

В рассказе «Беседы при ясной луне» (1972) Петька Сибирцев, перепутавший с похмелья день с ночью, советует старику Баеву, не верящему в Александра Невского: «Пиши в газету <...> Опровергай» (Шукшин, 2014, т. 6, с. 45). Герой открывает устройство мира, законы которого устанавливаются журналистикой.

Новости печати становятся знаком живого мира. «На кладбище» (1973) тишина погоста резко контрастирует с человеческой суетой: «Странно, что в каких-нибудь двухстах метрах улица, и там продают газеты...» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 38). В рассказе «Митька Ермаков» (1970) «столики для газет и журналов» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 80) в спальне становятся знаком состоявшейся жизни в мечтах героя.

В «Точке зрения» жених-филолог в видении оптимиста не только ораторствует по всем правилам (см., например, окончание речи) в кругу семьи, но и дает интервью о волнующих вопросах: «Мне легко отвечать на этот вопрос, потому что я недавно отвечал на вопросы анкеты одной молодежной газеты – “Ваше мнение о семье и браке”. Я подробно остановился там на духовном облике современной молодой семьи, на ее, так сказать, идейной подоплеке. Я высказал там одну, на мой взгляд, интересную мысль: современная молодая семья не может существовать без взаимопонимания и дружбы. <...> Далее, я указал, что современная молодая семья не мыслится без взаимного уважения и доверия. <...> Вот эти четыре компонента, как три кита, составляют, на мой взгляд, основу основ современной молодой семьи» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 279). Пустой разговор о прописных истинах обнаруживает не только сбой в логике (четыре – это три), но и образом китов восходит как к известному фразеологизму, так и к публицистическому этюду, созданному Шукшиным на вступительных экзаменах во ВГИК «Киты, или О том, как мы приобщались к искусству» (отношение к газете, например к «Комсомольской правде», может быть по-особенному раскрыто в творчестве, см. рассказ «Воскресная тоска»).

Жених приходит в своей речи к парадоксальному выводу, «что объявлять в газетах о расторжении брака – это... альковное кощунство!» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 279). Устаревшие красивые слова сочетаются в речи героя с примером семьи со сниженной фамилией Загогулькиных. Патетика вызывает смех, а невеста находит повод поспорить с оратором: «Если бы не было объявлений в газете, ты бы не узнал о драме. <...> Но если бы не было объявления в газете, ты не узнал бы о драме, и у тебя было бы хорошее настроение» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 280). Жених и из этого дела делает парадоксальный вывод: «Значит, по-твоему, не будь газеты, я бы не знал жизни?», – который невеста подтверждает: «Я не утверждаю, что, не читая газет, ты бы не знал жизни – для этого существует кино, радио, телевидение» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 281).

Хуже газеты может быть только газета любительская, самодеятельная – стенгазета, в которой тебя продернут как на собрании. Пример есть в рассказе «Крыша над головой» (1970), причем представлен он с использованием приема «текст в тексте», свидетельствующего об автопародии (Шукшин, 2014, т. 5, с. 93).

Самый пронзительный образ человека не нашедшего своего места в жизни и сказавшего главное слово дочери лишь на полях, свободных от публицистического текста, представлен в рассказе «“Жена мужа в Париж провожала...”» (1971): «Так? – спросил себя Колька. – Значит, жена мужа в Париж провожала? – Закрыв окно, закрыл форточку. Закрыв дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу. Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: “Доченька, папа уехал в командировку”» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 215). Предшествует самоубийству то, что герой «положил газетку на видное место...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 216).

В набросках к киносценарию «Венский лес» (1963) (в фильме Шукшина планировали на главную роль) герой восклицает: «Я лучше буду читать ваши газеты» (Шукшин, 2014, т. 9, с. 18). Публицистическое слово перестало быть правдивым. В рабочих записях, окказиональном жанре Шукшина, в 1966 г. можно увидеть недоумение: «Культура! Уря-я!!! Достижения!!! Достигли, что никак не можем уразуметь: как это так, что в газетах (В ГАЗЕТАХ!) могут, например, писать об одном и том же – разное» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 314). То, о чем пишут, оторвано от жизни, например, в «улье молодежных газет» есть «много статей – про хулиганов и как с ними бороться» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 319), однако все эти сведения не помогают человеку, совершающему при реальной встрече с грабителями «марафон в трусах».

В письме из больницы к В. А. Софроновой (1966) Шукшин шутит о гостях-медведях, предлагая адресату роль автора: «Шесть медведей! Как приду и увижу Катю, я шепну ей тихонько, чтоб она спустила их в мусоропровод. А мама напишет фельетон в газету: “Медвежий аукцион”» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 256). Газетная сфера стала фарсом, местом легкого комедийного слова.

В беседе «Насущное, как хлеб» (1966) с корреспондентом газеты «Советская культура» Шукшин говорит о том, что отсутствие определенного человека в газете свидетельствует о том, что он не герой сегодняшнего дня: «Настоящие люди, мол, это те, о ком пишут в газетах, чьи портреты на обложках иллюстрированных журналов, – врачи, летчики, художники. Спрашивается, где же крестьянин?» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 151). Публицистическая сфера разделяет людей на касты избранных и недостойных.

В статье «Вопрос самому себе» (1966) Шукшин, задумываясь о сложном пути культуры в деревню, в пример приводит историю о том, как хороший и серьезный фильм находит в деревне своего зрителя. В тернистой этой дороге свою роль играет газета: «Четвертый написал в газете, что фильм серьезный, хотя там есть кое-какие просчеты, но фильм серьезный. Какие-то дяди привезли газету в деревню, чтобы ее прочитал учитель, агроном, врач и наш Сидоров. Учитель, может быть, выписывает газету, Сидоров не выписывает – как-то не принято. Те же дяди должны сказать: “А почему у вас в деревне нет книжного киоска? Ай-яй!” Поставили киоск на углу, у почты. Сидоров шел с работы, купил за две копейки газету. Пришел Сидоров домой, почитал на сон грядущий газетку... А ту статью про кино не прочитал. Не все в газете читается. Прочитал газету учитель... “Эге, – сказал себе учитель, – завтра надо побеседовать с ребятами насчет статьи, обсудить”» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 20). Заканчивается история тем, что Сидоров так и не посмотрел фильм, потому что информация через газету до простого человека не доходит, а вот сынишка его посмотрел, потому что в идеальной модели публицистической коммуникации посредником между словом журналиста и человеком становится сельский интеллигент – учитель. Однако эта позиция Шукшина очень быстро изменится.

В «Сокровенном рассказе» (1971), работу над которым автор остановил сознательно, приехавший в райцентр мотогощик по вертикальной стене со своей женой в свободное от работы время читает вечером газеты (Шукшин, 2014, т. 9, с. 51-53). Героем эти люди опознаются как интеллигенты, как те, на кого он сам не похож. И знакомство с ними он заводит с обсуждения, пишут ли о них в газетах. В рассказе «Штрихи к портрету» (1973) Кайгородов, едущий на мотоцикле, тоже читает газету вечером, только беседа о печатном слове опускается (Шукшин, 2014, т. 6, с. 181).

В «Признании в любви» («Слово о “малой родине”», 1974) Шукшин с болью рассказывает о том, как в алтайских газетах, название каждой из которых он указывает, выходят отрицательные рецензии на фильм «Печки-лавочки».

В беседе с журналистом «Литературной газеты» в конце своей жизни писатель и режиссер признавался: «Меня поучения в искусстве очень настораживают. Я их боюсь. Я никогда им не верю, этим поучениям. Как читатель и зритель не верю поучениям ни из книги, ни с экрана» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 208). Это подчеркивает особенность позиции Шукшина в оценке реалий советской сферы журналистики. Публицистическую назидательность автор увидел и в художественном тексте, в сюжете, перейдя на борьбу с ним.

Можно говорить об эволюции отношения Шукшина к журналистике: если в сверхранний период писатель начинал с выступлений на собраниях, с газетных публикаций, а потом в публицистических текстах пытался

объяснить, что было не понято зрителям и критикам, то в позднем творчестве он переходит к ироничному осмыслению ораторствующих героев, поучающих учителей, к журнальным публикациям как возможности открыть дорогу художественному тексту и фильму.

Заключение

У начинающего автора журнальные публикации были маской, разыгрываемой ролью, словесными штампами, за которые можно спрятаться, в раннем творчестве писателя и режиссера сама профессия и газетное слово осмысливаются со стороны, выстраиваются антитезы, в позднем творчестве – на символическом уровне становятся знаками другого мира. Вспомним персонажей, читающих газеты, например толстого и лысого соседа по самолету, потерявшего челюсть под ногами Чудика в «Странных людях» (1968) и пр. Оценивая изменения авторского отношения к заявленному дискурсу, можно говорить о двух подходах к творчеству, о понимании роли слова и диалога с человеком. Зрелый Шукшин приходит к заключению, что не обо всем можно сказать, самое главное нужно оставить зрителю и читателю, чтобы он сам домыслил, почувствовал, совершил свой интеллектуально-эмоциональный труд и приобрелся к герою и автору.

Сфера журналистики Шукшина складывается из разных сегментов: его ранних ораторских выступлений на собраниях, публицистических текстов в газетных и журнальных публикациях разных периодов, киноролей, художественных образов журналистов в литературе и фильмах. Он давал интервью и сам выступал коммандированным корреспондентом: приведем в пример его поездку в Сропки весной 1967 года с заданием от главного советского печатного органа – «Правды». Статья о причинах ухода молодежи из села не была опубликована в газете (В. М. Шукшин: *pro et contra...*, 2024, с. 46), возможной причиной могло стать несоответствие первоначальному заданию писательского объяснения существующей проблемы. В автобиографии 1963 г. Шукшин подчеркивал свой писательский статус в публицистическом поле: «С 1960 года печатаюсь в журналах и газетах как прозаик» (2014, т. 9, с. 112).

Источниками, наполняющими семиотическую систему, которую условно можно назвать журналистикой Шукшина, служат советская риторика и публицистика, личный опыт автора, взаимодействующего с представителями этого мира извне и изнутри. Кроме прочего, на эту позицию накладывает отпечаток эволюция художественных взглядов писателя, его исследования в области русского национального характера и фигуры Степана Разина. П. С. Глушаков указал на то, что «еще ждет своего исследования тема “народного красноречия”, проявлявшегося в кабацких и ярмарочных спорах, “диспутах о правде”, в речах “агитаторов” времен крестьянских бунтов и восстаний. На эти “удивительные образцы народного красноречия” обращал внимание еще Пушкин, правда, добавляя при этом слово “безграмотного”. Для таких “краснобаев”, по определению В. Г. Базанова, “толки и слухи – летучая публицистика”» (В. М. Шукшин: *pro et contra...*, 2024, с. 148).

Таким образом, выявление специфических параметров сферы журналистики В. М. Шукшина как проблемного и стилового поля дает возможность сделать следующие выводы.

Отбор и систематизация образов и текстов Шукшина, связанных с журналистикой, позволяет говорить о том, что журналистика у писателя и режиссера может быть репрезентирована редакцией, корреспондентом, разными журналами (например, развлекательными с картинками или в «Воскресной тоске», научно-популярном журнале «Наука и жизнь»), публицистическим словом, сопоставленным с ораторским выступлением, и самым частотным знаком – газетой. Ею, как шляпой, можно отмечать персонажей особого круга. Глаголы, связанные с газетой: читать, шуршать, вытирать, заворачивать, расстреливать.

На разных этапах творчества типы включений в обозначенную сферу разнятся: это может быть деталь, отмечающая реалии деревенского (самокрутка) или советского (стенгазета) быта, действие, так или иначе характеризующее персонажа, социальное явление, по отношению к которому определяется позиция героя. В позднем творчестве автор приходит к диалогу с самим собой, используя в художественном поле образов журналистики автобиографический и автопсихологический контексты.

Отношение к публицистике у Шукшина менялось. Он начинал свой путь с газетных публикаций, пряча авторское «я» за советскими клише и правильной идеологической позицией. Писатель в своем аксиологическом поле разводил газетное слово и журнальную статью, в зрелый период отдавая предпочтение последней как важному средству трансляции своей идейно-эстетической позиции. Журналистика сопоставлялась автором с литературным словом. Зрелый Шукшин приходит к пониманию, что не обо всем можно сказать, самое главное нужно оставить зрителю и читателю, чтобы он сам совершил свой интеллектуально-эмоциональный труд, став причастным герою и автору.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей функционирования двух обозначенных проблемно-стилевых потоков в полифоническом творчестве Шукшина и его биографическом тексте.

Материалы исследования | Research materials

1. Аннинский Л. Публицистика Шукшина // Шукшин В. М. Нравственность есть правда. М.: Советская Россия, 1979.
2. Конецкий В. Старший матрос-радист Василий Шукшин // Библиотека Виктора Конецкого. 2019. https://baltkon.ru/fund/news/detail.php?ELEMENT_ID=1558&ysclid=md159nsys9750469506

3. Овчинникова О. С. Прорыв в будущее. О публицистике В. М. Шукшина // Шукшинские чтения: творчество В. М. Шукшина в современном мире / отв. ред. Л. И. Муравинская. Барнаул: ГИПП «Алтай», 2001.
4. Сенчин Р. Василий Шукшин в «Литературной России» // Литературная Россия. 2014. № 40-43.
5. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014.
6. Ягункова Л. Д. Василий Шукшин. Земной праведник. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009.

Источники | References

1. В. М. Шукшин: pro et contra. Современные аспекты исследования / сост. А. И. Куляпин. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2024.
2. Винокур Г. О. Биография и культура; Русское сценическое произношение. М.: Рус. словари, 1997.
3. Горн В. Ф. Наш сын и брат (проблемы и герои прозы Василия Шукшина). Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985.
4. «Калина красная»: поэтика, семиотика, контекст: монография / науч. ред. А. И. Куляпин; отв. ред. П. В. Маркина. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2025.
5. Козлова С. М. [Раскас] // Творчество В. М. Шукшина: в 3 т. / науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. Т. 3. Интерпретация художественных произведений В. М. Шукшина. Публицистика В. М. Шукшина.
6. Куляпин А. И. Творческая эволюция В. М. Шукшина. Ишим: Изд-во Ишимского гос. пед. ин-та, 2012.
7. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
8. Маркина П. В. Публичное выступление в рассказах В. М. Шукшина // В. М. Шукшин в современном мире / отв. ред. П. Ф. Маркин. Барнаул: Алтайская государственная академия культуры и искусств, 2009.
9. Марьин Д. В. Литературный сценарий В. М. Шукшина «Из Лебяжьего сообщают» (от текста к экранизации) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3.
10. Марьин Д. В. Несобственно-художественное творчество В. М. Шукшина: системное описание. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.
11. Марьин Д. В. Публицистика // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул: Барнаул, 2014. Т. 8. Публицистика. Письма. Рабочие записи.
12. Рыбальченко Т. Л. Публицистика Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: в 3 т. / науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2004. Т. 1.
13. Хисамова Г. Г. Публицистика В. М. Шукшина // Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты / отв. ред. Р. Д. Мустафина. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024.

Информация об авторах | Author information

Маркина Полина Владимировна¹, к. филол. н., доц.

¹ Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Polina Vladimirovna Markina¹, PhD

¹ Altai State Pedagogical University, Barnaul

¹ markina_pv@altspu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.09.2025; опубликовано online (published online): 23.10.2025.

Ключевые слова (keywords): русская литература XX века; жизнь и творчество В. М. Шукшина; публицистика В. М. Шукшина; поэтика В. М. Шукшина; семантическое поле журналистики; Russian literature of the 20th century; life and work of V. M. Shukshin; V. M. Shukshin's journalism; poetics of V. M. Shukshin; semantic field of journalism.